

ПРОЛОГ

*From early sunset until late dawn
My thoughts are with you,
Simply hold it on.
Try to forgive me, soon I'll be back,
Tour nearly finished, I am leaving the track.
Can't wait to see you, your eyes burned my mind,
My heart is on fire, salvation I'll find*.*

Tigersclaw. Eternity

Обычно тейнары смотрят сквозь воздух, как и другие эорини** или как люди. Но сегодня Эорни смотрел так, как умеют только тейнары. Он позволил себе увидеть воздушные струи, окружающие его потоки и завихрения. Безбрежный океан со множеством течений, готовых нести Детей Воздуха до горизонта и дальше.

* От рассвета и до заката
Мои мысли с тобой,
Просто держись.
Попытайся простить меня, скоро я вернусь.
Странствие почти закончено, я покидаю тропу.
С нетерпением жду нашей встречи, твой взгляд обжигает.
Мое сердце пылает, я найду спасение (англ.).

** Эорини — общее название для всех Детей Стихий, которое используют они сами.

Он стоял на краю Адьер, скалы казни, где каждый год стихию жизни колебали предсмертные крики тейнаров. Именно здесь встречались жизнь и смерть, и первая всегда уступала второй. Сейчас самого Эорни разрывали почти столь же противоречивые чувства. Он посмотрел вниз, представил себя со связанными крыльями, стремительно рухнувшего туда, и отшатнулся, впервые испугавшись высоты. И все же было в этом и что-то притягательное. Очарование смерти. Конечно, он не думал об этом всерьез, отчаяние не настолько им владело, но там, на дне, его ждал бы покой, а он так устал от волнений и тревог, что небольшой соблазн в самом деле был.

Эорни вновь приблизился к пропасти и на сей раз уселся на самый край. Его крылья свободны и сильны, бояться нечего.

Он достал из сумки бутылку с вином, открыл, сделал пару глотков и пока поставил рядом. Напиваться не хотелось, просто чуть расслабиться, немного заглушить мысли. Пошевелил крыльями, разминая мышцы, ощущая слабый ветерок каждым перышком. Достал *тилкар*, на котором так любил играть. С ним же он выступал здесь и на недавнем празднике... Пальцы пробежали над полусферой, рождая знакомую мелодию. Ее он помнил даже слишком хорошо, рука направляла потоки воздуха почти неосознанно, и он вновь вернулся к своим мыслям.

«Нилед, брат, зачем ты только туда полез? Ты был нужен тут, отцу, мне, твоему народу. Почему тебе всегда все было нужно делать самому? Ты ведь принц, будущий правитель, должен уметь управлять другими... Видишь, я до сих пор говорю так, будто ты еще жив. Столько времени прошло, а все никак не привыкнуть. Я не могу один выступать против всех. Против отца, старейшин и еще Фьериль — твоей упрямой Фьериль. Видит Тилаэр, я не желаю ей зла,

но чувства затмили ее разум, она уже натворила глупостей и может натворить еще. И если ты мог бы ее вразумить, меня она слушать не станет. Я, конечно, и сам хорош, мог предвидеть и помешать, мог не отпускать того полукровка или проследить за ним. Да что уж теперь...»

Еще один глоток вина теплом отдается в груди. Мелодия *тилкара* меняется, становится сложнее, витиеватее, но и она хорошо ему знакома. Сегодня он не хочет учить что-то новое, напротив, хочет вспомнить прошлое и примириться с ним. Мысли начинают течь медленнее и мягче, но они по-прежнему тяжелы.

«И мои белые перья. Знак Тилаэра, так про них говорят. Пока ты был здесь, их не особо замечали или считали, что Великий Орел наградил меня лишь талантом к музыке и песням. А теперь во мне видят надежду. Думают, я смогу занять твое место. Я не хочу, Нилед! Не хочу тащить это на своих крыльях! Уж точно не один! Конечно, есть еще Келар, и его слово кое-чего стоит, но это не то же самое, что иметь в союзниках тебя. Ты бы меня понял, я уверен. Все остальные жаждут крови, жаждут войны. Моя кровь тоже кипит жаждой мщения, я не простил им твою смерть, но я понимаю, что это не выход. И что хуже всего, я знаю, как поступить правильно, но стоит мне это сделать, и в следующем году с этой скалы рухну я. Причем первым, и некому будет пережечь мои веревки».

Принц вновь взялся за бутылку, но до рта не донес. Шагов он не услышал, лишь почувствовал, как изменились потоки ветра, обтекая еще одну крылатую фигуру.

— Это ты? — спросил он не оборачиваясь. — Выпьешь со мной?

— Только если сыграешь мою любимую песню, — ответил знакомый голос. Высокий, но не резкий, немного игристый, рождающий в нем волну тепла, куда более сильного,

чем от вина. Жар и трепет — вот что он ощущал, когда видел или слышал ее.

Юная стройная тейнара с копной ярко-рыжих волос и крыльями цвета солнца Шихората* опустилась рядом. Она легко поцеловала принца, скорее в знак приветствия, чем страсти, но достаточно, чтобы он ощутил вкус ее губ. Разгоряченному вином Эорни этого было мало, он обнял девушку, попытавшись притянуть к себе, но та остановила его изящным жестом.

— Сначала песню, — произнесла она тем же игривым тоном и, отобрав бутылку, сама немного отпила.

С самого их знакомства он не мог ей отказать; впрочем, она не так часто о чем-то просила. Потоки воздуха, повинаясь его рукам, обняли *тилкар*, повели нежную мелодию. Девушка наклонилась ближе, прядь сияющих огненных волос скользнула по плечу музыканта, и здесь, на обрыве, за пару шагов до возможной смерти Эорни впервые за долгое время ощутил умиротворение.

Вечер едва начался, но в трактире уже появились первые посетители, и Дин решил, что пора. Днем он помогал Смалю по хозяйству: разгружал повозку вместе с Ирвином и Рушем, кормил кур и свиней, мыл пол в главном зале... Работы он, как и говорил друзьям не раз, не боялся, но все же приятно было сменить тряпку и метлу на любимый огненный инвентарь. Он пошел к выходу, махнув рукой местному музыканту, потрепанному мужчине средних лет,

* Шихорат — сезон Огня для Детей Стихий, названный по имени Шиххара, Воплощения Огня. Аналог в Арденне — Фрайкорин.

с которым договорился заранее. Они встали перед входом по обе стороны двери. Музыкант заиграл что-то бодрое, а Дин привычно начал расставлять чаши с огнем. Скоро все было готово, и, запалив с обоих концов свой посох, парень начал представление.

Некоторые прохожие удостаивали его лишь мимолетным взглядом, другие задерживались, увлеченные зрелищем, кто-то аплодировал. Посыпались монеты, людей собиралось все больше, многие, насмотревшись, не уходили, а заворачивали к Смалю промочить горло, как и рассчитывал Дин. Трактирщик уже не раз благодарил его за это.

Среди зрителей оказалось и несколько девушек — парень ловил на себе их восторженные взгляды. Улыбка одной была совсем уж недвусмысленной, и Дин обратился к ней:

— Я могу воспламенить что угодно, красавица, даже твое сердце.

Он глотнул маслянистой жидкости из одной из многочисленных своих бутылочек и выплюнул вверх мощный поток огня. Толпа восторженно взревела, девушка вышла вперед. Она и впрямь была мила и очень в его вкусе. С ней точно не соскучишься, а что ему еще нужно после выступления?

Дин взялся за шар на цепи, раскрутил над головой и заставил плясать вокруг себя, то подбрасывая вверх, то запущенная будто прямо в толпу, конечно, рассчитав все так, чтобы никого не задело и не опалило. Движение было привычным и отточенным; сейчас заклинатель огня мог спокойно довериться своему телу и просто получать чистое яркое удовольствие от выступления — ведь ради этого он и выходил к людям раз за разом. Однако сегодня вместо шара, пылающего, как солнце Фрайкорина, и послушного воле артиста, перед глазами стояло холодное фиолетовое солнце Талатерна в небесах Хаммара. Именно оно освещало тогда дорогу троице путникам, отправившимся на поиски чуда.

Когда он закончил, девушка подошла и бросила в его мешок несколько монет и скомканную бумажку. Приглашение — он получал такие не раз. Имя, время и место, где она хочет побыть с ним наедине. Дин проводил ее взглядом и вновь взялся за бутылочки и мешочки, заставляя огонь в чашах вспыхивать разным цветом. Потом поднял шест, и все началось сначала.

Наконец он устал, подобрал деньги и пошел назад в трактир. Приглашение он выкинул не читая. Днем еще думал, что хочет развлечься с кем-то подобным, но сейчас настроения не было. Стоило подумать о женских прелестях, как ему вспоминалась Айнери. В его мыслях она никогда не была обнаженной, не лежала в его постели, он просто сидел с ней рядом, держал за руку, возможно, целовал, но не более. Айнери была другой, слишком не похожей на прочих. Юные вертихвостки, так привлекавшие его прежде, теперь казались ему глупыми, пустыми. Раньше ему это нравилось: чем глупее, тем проще затащить в постель и тем проще забыть наутро, когда уходишь, не оборачиваясь. Сейчас ему хотелось чего-то более глубокого.

Лучше он в очередной раз поможет тихоне Нейлу убрать-ся в зале после закрытия трактира, а та девица и без него долго скучать не будет и одна не останется. Ей этим вечером надо куда меньше, чем ему. Станет ли он снова таким же беззаботным и нужно ли ему это? Дин вздохнул, отгоняя невеселые мысли. Раньше ему казалось, что его сердце горячее любого костра, что сама стихия огня отметила его, а участь Элмиса, заключившего сделку с Фрахом, ему не грозит, ведь он носит на шее слезу огня... Однако чем дальше, тем сильнее он ощущал, как рыжее пламя внутри светлеет, будто остывает. Неужели вместо жара Фрайкорина, сезона, в который он родился, ему теперь останется лишь белый огонь Майлингена?

«Когда заплачет огонь» — так ведь говорят о том, что, скорее всего, не случится никогда?

Дин подобрал соломинку, шевельнул пальцами, доставая с *изнанки* искорку, и неотрывно смотрел на огонь, пока соломинка не сгорела дотла.

Плоть Триана зудела, день за днем, декана* за деканой, он ощущал это непрерывно. Чесалось глубоко под кожей, под слоем чужого тела, куда не дотянуться. Даже просто сидеть неподвижно было невыносимо, хотелось ерзать, шевелиться, хотелось кричать и раздирать ногтями чужую плоть, ставшую его собственной. А больше всего хотелось покончить с собой, избавиться от страданий раз и навсегда. Ночью в крошечной тьме было чуть легче, но возникало чувство, будто он задыхается. Прежде свет был ему необходим, теперь же, как и прочие стихии этого мира, стал ему чужд, и это сводило с ума еще сильнее. *Амдары* не просто видят энергию, не просто чувствуют ее при касании, они ощущают само ее присутствие и могут взаимодействовать с ней даже на расстоянии. Свет, тепло, биение жизни — для него все это почти исчезло. Такое чувство, будто, пытаясь схватить что-то, он вдруг осознавал, что у него нет пальцев.

Зато Пустота теперь наполняла его своей силой независимо от его желания, текла в него, словно струйка воды в сосуд. Это было приятно: зуд постепенно ослабевал, дышалось свободнее, и даже невозможность чувствовать свет не раздражала уже так сильно. Однако это было ловушкой. Плоть чужого тела, защищавшая его от чуждого

* Декана — одна шестая часть сезона, длится она десять дней.

мира, и так постепенно распадалась, а чем больше в нем накапливалось Пустоты, тем быстрее это происходило. Приходилось выплескивать ее из себя, изменяя стихии или разрушая любые предметы, что попадут под руку, стараясь лишь, чтобы никто не видел. Это вновь означало зуд, слабость и злость. Так что расставаться с этой силой очень не хотелось, а оставлять при себе было нельзя.

Заняв чужое тело, он думал, что все худшее позади, но страдания только начались. Вот о чем предупреждала Пустота.

Амдары смотрели на него с подозрением, понимая, что он уже не один из них, многие считали самозванцем и, едва увидев, возвращались в Риадвин. Оставались лишь те, кто знал о Пустоте, и еще те, чья ненависть к людям пересиливала любые опасения. Они готовы были пойти за любым демоном, если тот посулит им свободу, возможность спокойно путешествовать по материку, пообещает, что больше не придется в собственном доме бояться людей, которым однажды надоеет их соседство. Таких отчаявшихся нашлось не так уж много — гораздо меньше, чем он рассчитывал. Утешало только, что те, кто решил вернуться, не могли выдать его Эльдалин: новеньких не сразу вели к его новому дому, сначала он встречался с ними в другом месте. В худшем случае они могли сообщить новой королеве, что он жив, но она и сама вскоре догадается, девчонка отнюдь не глупа.

Триан желал смерти, но после всего, через что прошел, не хотел, чтобы она была напрасной. Он должен свершить свою месть, но, даже если *амдаров* с ним будет больше в несколько раз, вести их на Виарен сейчас — самоубийство. У него теперь нет Сферы, а силу Пустоты он уже не мог использовать так, как прежде. Правда, среди его ближайших помощников оставались слуги Пустоты, но все равно этого недостаточно. Нужно, чтобы люди погрязли в собственных

войнах, чтобы отправили значительную часть воинов и магов столицы к границам, тогда и настанет его время.

Ждать было невыносимо, но что еще ему делать? Впрочем, возможность влиять на события всегда можно найти.

«Кто ждет, тот дождется...» Какими же глупыми и жестокими казались эти слова сегодня! Она сама говорила так Риолену перед разлукой, не зная, не понимая, что они не увидятся вновь. Бесполезно ждать, бессмысленно верить, но сердце все равно трепещет от каждого стука в дверь, от каждого письма. Будь он в плену, ранен, искалечен — ей бы хватило сил дождаться, вернуть его, отдать всю свою любовь. Но из смерти не возвращаются. Риолен погиб там, на дорогах Арденны, его прах уже развеяли ветра, а ей остается только пытаться выжить — ради ребенка, которого она носит. Что ждет их сына или дочь в стране, где отец мертв, мать королева лишь на словах, а всем управляет человек с холодными глазами?

Ирмалена всхлипнула и сердито вытерла слезы. Не пристало дочери могучего Бьернума и наследнице северных королей плакать о своей участи. Надо бороться — ради ребенка и в память о муже. Она назвала Риолена мужем еще в Бьёрлунде — сначала про себя и в молитвах Дане-Прародительнице*, потом — вслух, глядя в светлые ласковые глаза, и ритуал в виаренском храме Трех Богов не сделал крепче нить, уже связавшую их сердца. Надо жить дальше, надо искать дорогу в тумане, который сейчас окутал ее

* Так в Бьёрлунде называют создательницу мира Рэйну. Имя Дане и означает «Прародительница».

жизнь, а первое правило морехода, оказавшегося в тумане, — выждать и править на маяк, когда мгла хоть немного рассеется. Здесь у нее, чужеземной королевы, приехавшей меньше года назад, нет ни друзей, ни надежных союзников. Значит, ее маяк — родной Бьёрлунд. Писать отцу она не станет — у Бьернума хватает забот, ему недосуг помогать дочери, выданной замуж в чужую страну, да и она сама не хочет показывать отцу свою слабость. Написать матери? Та расстроится и будет переживать. Остаются братья.

Леннарт — старший, наследник трона, гордость отца. Белокурый, высокий, с по-девичьи тонкими чертами лица и сильными руками воина. Кажущийся холодным и далеким, как вершины Ленмаркских гор, терпеливый и сдержанный. На ее родном языке имя брата означало «хозяин снегов», и маленькая Ирмалена все донимала мать расспросами, в самом ли деле Леннарт им родня, или же его принесли к порогу короля зимние вьюги, рожденные волей истинного Хозяина Снегов, от которого, по легенде, и пошел когда-то род правителей Бьёрлунда. Безупречный и ответственный, Леннарт, конечно, не оставит сестру в беде, но остережется принимать столь важное решение, не сказав отцу. А тот вряд ли отпустит наследника в чужую страну, где вот-вот может случиться передел власти.

Остается Тимлен. С Леннартом у Ирмалены разница в пять лет — целая вечность для ребенка, а вот Тимлен старше всего на два года, верный товарищ по играм и проказам. Второй сын, второй ребенок в семье, но первый везде, где нужна помощь. Пшеничные кудри, глаза цвета штормового моря — обликом он так похож на Риолена... И у него достанет нахальства взять отряд и примчаться в Арденну без разрешения отца. Да он и не пойдет за разрешением, с него спрос не такой, как с Леннарта.

Решено. Ирмалена последний раз шмыгнула носом и решительно потянулась за письменным прибором. Пусть небольшой отряд из Бьёрлунда вряд ли что-то решит, родные лица прибавят ей уверенности, а там — кто знает? — может, появятся и силы для борьбы.

Боль. Туман застилает взгляд, и боль, снова, всегда, не отпускает, не ослабевает, мысли путаются. Мир болен, его лихорадит, он меняется, начинает гнить, и гной течет из ран. Ее мир. Ее единственный мир. С этим нужно что-то...

Боль! Слабость... Давно нужно сделать что-то, но она не может. Больше ничего не может. Нет сил, и боль. Как давно... Она думала, пыталась, надеялась, но боль сводила с ума, сознание превратилось в лохмотья, такие же ошметки, какими когда-то стали ее *руки*. Пальцы, способные плести *нити*, управлять всеми стихиями, пальцы, которых больше нет. И боль. Боль и чувство потери, это вытеснило все мысли. Ей уже все равно, где быть и куда идти, плевать на тех, кто суетится рядом. Сколько прошло веков, а впереди вечность, и никто не сможет помочь.

Сила! Чужая сила не из этого мира. Не та, что была в прошлом у нее, не сила Творца. Что-то смутно знакомое. Тут, рядом. Какая разница...

Боль, потеря. Ничто не имеет значения. Обрывки мыслей и воспоминаний. О чем она думала? Неважно. Но все же кто?..

Энтисай! Зачем он тут? Собрать мысли, сфокусировать взгляд не выходит. Туман перед глазами. С кем-то спорит, она слышит слова, но смысл ускользает, ей не собраться. Один из тех, кто был в комнате, обхватил ее тело сзади, приставил сталь к шее. Непонятно, за кого ее принял

и почему хочет убить. Что-то говорит, но ей нет до этого дела. Он все равно ничего не сможет. Жаль. Она хотела бы умереть. Человек не смог бы даже поднять оружие на ее воплощение, сама мысль об этом для него невозможна, но это, кажется, *амдар*. Хотя человеческая кровь в нем тоже есть, вот и колеблется. Решился, лезвие рассекает кожу. Телу это не повредит, оно безупречно, в отличие от нее самой.

Что? О чем она только что думала? Что-то о теле? Нет, не то.

Энтисай! Совсем рядом. Подходит. Он пришел к ней? Она же не здесь, это тело лишь кукла на ниточках, послушное орудие; впрочем, только через него он и может с ней говорить. И все же зачем?

Он уводит ее тело в другую комнату; она не сопротивляется, для нее нет разницы. Кажется, он хочет усадить ее тело на кровать. Пусть. Почему нет? Берет ее за предплечья. Руки ее тела безупречны, тем более сознавать собственное увечье. Его пальцы впиваются в ее кожу, он перебирает ими, как музыкант прижимает струны лютни. Что-то ищет. Не здесь. Он нащупал связь, прямо отсюда он трогает ее *руки*, ее настоящие *руки*, те, от которых почти ничего не осталось. Невозможно. *Энтисай* при всем их могуществе не могут коснуться Творца, им трудно даже увидеть друг друга, и это в межпространстве. Но этот смог, причем дотянулся отсюда. Чего он хочет? Что он...

Боль ушла. Тьма. Покой.

Рэйна проснулась. Выплыла из небытия, пытаюсь вспомнить, что произошло. Что-то было не так. Боль... Она ушла. Туман в голове слегка прояснился, но мысли всё еще путались и ускользали. Ее ошибка и века страданий, это ведь не сон? Ее *руки*. Не эти идеальные пальцы, что вцепились в одеяло, настоящие *руки*, они... нет, все по-прежнему, они

бесполезны, ушла только боль. После мгновенной вспышки надежды отчаяние вгрызлось в нее с десятикратной силой. Она взвыла, чувствуя, как слезы льются по щекам и она не может их сдерживать; это свойственно Детям Стихий и людям, так же откликалось и ее тело, созданное по подобию их тел.

И только тут Рэйна заметила, что в комнате она не одна. *Энтисай*. Он по-прежнему здесь.

— С пробуждением, Рэйна, — он подошел и присел рядом. — Я Этрел Эль-Меар, но можешь называть меня Альмаро, в этом мире мне так привычнее. Я пришел, чтобы помочь тебе. Как себя чувствуешь? Ты проспала двое суток. Понимаешь, где ты? Знаешь, кто ты?

— Да. Подробности ускользают, но в целом — да. Что ты сделал?

— Всего лишь убрал боль. Это временно, потом она вернется. Я не могу вылечить тебя, и никто не может, мне жаль, Рэйна, правда. Я все гадал, как ты могла отделить этот мир, сделать его закрытым для всех, даже таких, как я. Теперь вижу. Ты закольцевала его, замкнула *нити* этого мира на самих себя, они не связаны с *нитями* соседних миров, потому что ведут обратно сюда. Хитро. Но все Стихии всех миров тоже были едины, а тут ты их оторвала, отрезала от общего. Сама их плоть сопротивлялась, все шесть впились в твои руки. Почему ты не остановилась?

— Я любила этот мир. Он мой первый. И тут есть люди, мои собственные дети, созданные мной лично, Стихии в этом не помогали. Мне было бы невыносимо жаль это терять. Я думала, боль — это лишь боль, раны заживут, я ведь Творец.

— Я понимаю тебя, мы, *энтисай*, тоже можем любить, а любовь порой лишает рассудка. Лишь безумец согласился бы терпеть такую боль. Я вижу твои настоящие руки, они превратились в месиво крошечных осколков. Мне

всякое пришлось пережить, но я и представить не могу, как страдала все это время ты. Даже Творец не восстановится после такого. Будь ты кем-то другим, *Плирос* мог бы пересобрать тебя, конечно, по-своему, но все же. Ты стала бы иной, но вновь полноценной. Но ты и сама знаешь, с вами он не может взаимодействовать.

— *Плирос*?

— Пустота.

— Пустота никому не может помочь, она лишь пожирает, разрушает.

— Все не так. Мир намного сложнее, ты просто не видишь. Вы живете в том единственном слое, что лежит вне *Плироса*, в том, что вы зовете *изнанкой*, и лишь слегка проявляетесь в том, что считаете внешней стороной. Когда что-то исчезает из этого слоя, для вас оно потеряно, уничтожено, но оно продолжает жить во множестве слоев, недоступных вашему взгляду.

— Слоев?

— Можешь считать их отдельными вселенными. Но даже каждый отдельный слой может быть множеством различных вселенных, если менять восприятие, смотреть под разными углами, перестраивать самого себя в нечто иное, для которого та же материя также станет совсем другой во всех смыслах, не только зрительно.

— Творцы создают миры, я не верю, что...

— Ты видела, как *энтисай* появляются будто из ниоткуда и так же исчезают, и не можешь этого объяснить, ведь ты уверена, что никому не укрыться от твоего восприятия. Но это верно лишь для твоего слоя и лишь одного угла, под которым ты его чувствуешь, а мы смещаемся в другие слои или иные формы твоего. Там раскинулись наши миры, прекрасные и многогранные, сотворенные *Плиросом* из ваших одномерных. Да, могущественные Творцы,

повелевающие целыми мирами, подобны рыбке, для которой вся вселенная ограничена стенкой аквариума. Возможно, тебе обидно об этом узнать, но это так.

— Но как тогда ты мне помог? *Энтисай* — обитатели Пустоты, они тоже не дотянутся до *изнанки*.

— Обитатели твоего мира сотворили Алую Сферу. Воссоздали в физическом объекте твою силу, собрав ее из тех частей, что ты вложила в разных *эорини*. Мне удалось поглотить ее, и теперь я вижу *изнанку* и *нити*, я вижу тебя, а не лишь отражение в этом слое. Если захочешь, позже я отвечу на любые вопросы, но сейчас важно другое. Твой мир обречен, Рэйна, признай это. Даже будь твои руки в порядке, его не спасти. Отдай его *Плиросу*, позволь поглотить его, а я помогу спастись его жителям, выведу отсюда если не всех, то многих.

— Нет! — Она вскочила, объятая ужасом. — Нет! Убирайся! Ты лжешь! Ты не получишь мой мир!

— Ты все равно его потеряешь, — он оставался спокоен. — Осталось недолго, и ты это знаешь. Смирись с неизбежным и помоги тем, кому еще можно.

— Я не смогу создать новый! Ты сам видел мои *руки*! И ты представить себе не можешь, что такое Творец без мира! Это хуже любых страданий, что ты можешь вообразить!

— Я уже сказал, это лишь вопрос времени. Твой мир и все его обитатели погибнут зря. У тебя хватило воли отрезать этот мир, ты пошла ради этого на чудовищную жертву, чтобы защитить его, но в результате лишь погубила. Согласись на еще одну великую жертву, чтобы его спасти.

— Я не могу, — она рухнула на кровать. — Не могу, Альмаро. У меня не осталось сил.

— И все же подумай над этим. Я побуду тут еще немного, но, если ты не решишься, мне придется искать другой способ.

[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

